

В.Г. Пуцко

Серебряная рака с мощами св. Игнатия Ростовского

Русское художественное серебро XVIII в., исторически связанное с Ростовом, не обращало на себя внимание, и поэтому надо всячески поддерживать изучение этого материала в собрании музея. Представленный обзор произведений показал, что среди них есть выдающиеся изделия, заслуживающие монографического изучения. К сожалению, сегодня это практически неосуществимо по отношению к великолепным серебряным ракам ростовских святителей, находившимся в Успенском соборе, поскольку они уничтожены. В литературе есть лишь упоминания о них, с воспроизведением существующих надписей, включающих дату изготовления¹. Первой была выполнена рака для мощей св. Игнатия, в 1795 г.; затем в 1799 г. последовало изготовление раки для мощей св. Исаии, и, наконец, в 1800 г. «построися гробница... над святыми мощами святителя Леонтия». От первых двух уцелели лишь отдельные чеканные картуши с сюжетными композициями в орнаментальном обрамлении.

Предлагаемые здесь заметки посвящены двум серебряным пластинам раки св. Игнатия Ростовского, сохранившейся и иной, известной только по архивной фотографии, уже однажды использованной пишущим эти строки для доказательства ошибочности отождествления ярославской иконы Богоматери Великой Панагии с легендарным произведением преп. Алимпия Печерского, некогда находившимся в ростовском Успенском соборе². По крайней мере последнее к концу XVIII в. уже не существовало и, следовательно, не могло быть перемещено в Ярославль. Так была развенчана одна из красивых легенд, не соответствовавшая данным исторических реалий³. Обе рассматриваемые пластины кроме художественной ценности важны и как исторический источник, благодаря воспроизведенным на них ростовским церковным постройкам.

Нам сегодня трудно ответить на вопрос о причинах первоочередного изготовления раки для мощей св. Игнатия, хотя ответ в будущем все-таки может быть найден, причем не столько в большом чествовании этого святителя по сравнению с Леонтием и Исаией, как в иных факторах, более обыденного характера. Ведь мы в сущности не знаем в деталях состояние гробниц с мощами в ростовском соборе в конце XVIII в., свет на что могут пролить соборные описи церковной утвари этого времени.

По замечанию В.О. Ключевского, «Жития двоих ростовских святых современников, еп. Игнатия и ордынского царевича Петра принадлежат к числу древнейших памятников ростовской письменности... существующее житие Игнатия преимущественно наполнено описанием чудес, происшедших при погребении епископа»⁴. О епископе Игнатии в сущности известно мало. Его жизнеописание обычно состоит из нескольких фраз⁵. Наиболее обстоятельно оно изложено духовным писателем, историком и путешественником М.В. Толстым (1812–1896): «Преемник Кирилла учительного, св. Игнатий вступил на епископскую кафедру Ростова из архимандритов Авраамиева Богоявленского монастыря, в 1262 г., и управлял епархией 26 лет, в самое тяжкое время поработничества татарского. Житие его мало известно; из летописей знаем мы, что он присутствовал в 1274 г. на соборе, созванном во Владимире митрополитом Кириллом II для исправления дел церковных, участвовал во всех семейных делах князей, живших в его время: в 1271 г. погребал в Спасском монастыре княгиню Марию, вдову и дочь князей-мучеников, в 1273 г. погребал в соборном храме княгиню Феодору, татарку, супругу князя Глеба, а в 1277 г. князя Бориса Васильковича на левой стороне собора; в 1278 г. венчал в Ярославле князя Михаила Глебовича с дочерью св. Феодора Черного, князя Ярославского. Наконец, в том же году похоронил честно в соборной церкви тело князя Глеба, которое через девять недель ночью изринул из могилы, по неизвестной причине, и похоронил в Спасском монастыре, за что от митрополита Кирилла подвергся строгому запрещению. Примирившись в последствии с сим знаменитым пастырем земли Русской, Игнатий присутствовал на отпевании тела его в Переславле-Залесском. Последним известным для нас деянием св. Игнатия было примирение князей Димитрия и Константина Борисовичей Ростовских, которые, отняв Белозерский удел у двоюродного брата своего Михаила, перессорились между собою и едва не дошли до кровопролития. Блаженная кончина святителя Игнатия последовала 28 мая 1288 г. Он один, из всех угодников Божиих в земле Русской, просиял нетлением и цельбоносною силою мощей своих еще прежде погребения, и вовсе не был предан земле, ибо чудеса, явившиеся при самом отпевании, побудили клир и народ поставить открыто святые мощи на том месте, где и доньше они обретаются. Когда тело, по древнему обычаю, на одре было несено в церковь, две благочестивые черноризницы видели святителя восставшим с одра, восшедшим на высоту по воздуху, как бы по лестнице, и остановившимся над местом, которое было предназначено для погребения. Тогда же исцелился архимандрит Стефан, прикоснувшийся к мощам сведенною рукой, которая тут же распрямилась. На другой день, когда, по совершении литургии и отпевания, переложили тело в гроб и подали список священников и диаконов, посвященных святым

Игнатием в продолжение жизни его, усопший святитель, как бы живой, простер руку и принял свиток. Память св. Игнатия празднуется 28 мая»⁶.

Е.Е. Голубинский, приводя летописные сведения о погребении св. Игнатия, сопровождавшемся великими знаменами и чудесами, заметил: «По всему этому должно быть признано весьма вероятным мнение, что местное празднование памяти епископа началось или тотчас или вскоре после его кончины». И далее, в примечании к сказанному, добавляет: «Некоторые из новейших агиографов утверждают, что тело Игнатия, вследствие чудес, совершавшихся при его отпевании, не было предаваемо земле, а поставлено было открыто стоять в церкви. Но на каком основании, утверждают, неизвестно, и в справедливости утверждаемого мы позволяем себе весьма сомневаться»⁷. Как позже выяснилось, для этого были основания. «Акт вскрытия и обследования мощей свв. Игнатия и Исаяи, находящихся в соборе», составленный 25 апреля 1920 г., свидетельствует о сохранившихся лишь черепе и разъединенных костях⁸. В обнаженном виде они оставались на своем месте, покрытые деревянной крышкой раки (со следами крепления металлической обкладки), еще в середине 1960-х гг. Следовательно, агиографический мотив прославленного чудесами тела почившего святителя еще не предполагает его реальное нетление, как и факт нахождения гроба на том же месте, где он ныне находится. Ведь с того времени Успенский собор неоднократно перестраивался⁹. Кроме того известно и местонахождение аркасолия св. Игнатия в соборе 1231 г. Развитие почитания св. Игнатия в Ростове, прослеживаемое по текстам его жития, как будто приходится на 1350-1400 гг.¹⁰ Но оно должно было иметь как предшествующий этап, так и заключительную фазу, кстати засвидетельствованную иконописными изображениями, известными лишь с первой половины XVI в.¹¹ Однако среди них нет композиций, сюжетно связанных с житием и погребением ростовского святителя. Таким образом, рассматриваемые в данном случае серебряные чеканные рельефы конца XVIII в. оказываются едва не единственными с указанной тематикой.

В книге А.А. Титова о раке сказано довольно кратко, поскольку она была у всех на виду, и, следовательно, доступна для обозрения:

«У северной части храма, напротив раки Св. Исаяи, также перед иконостасом, поживает епископ Игнатий в серебряной раке. В подножии раки находится надпись:

«Сия гробница построена при державе Благодетельнейшей Самодержавнейшей Великия Государыни Императрицы Екатерины II-я и при Наследнике Ея Благоверном Государе Цесаревиче и Великом Князе Павле Петровиче, по благословению Преосвященнаго Арсения, Архиепископа

Ростовского и Ярославского, в лето мира бытия 7303, от воплощения Бога Слова 1795 года».

В возглавии раки в двух боковых с лицевой стороны клеймах переданы житие Святителя и чудеса при его погребении, а на крышке у подножия значатся стихи:

«Нетленным тленному быть вовсе невозможно,
Все что ни сложено, здесь тлеет непреложно:
В прах обратится плоть, разрушатся тела,
Едина праведных бессмертна похвала!
Лежащий в раке сей уверит в том Святитель,
Игнатий ревностный священных прав блюститель;
Се несколько веков, как он скончал живот,
Но вот до днесь живет, до днесь нетленна плоть»¹².

Приведенных указаний достаточно, чтобы быть уверенным, что раку св. Игнатия Ростовского украшали только две сюжетные композиции в овальных картушах, соответственно расположенные в изголовье и с боковой стороны, обращенной к солее. В 1922 г. они были изъяты из Успенского собора в числе иных церковных ценностей, и только первая из них, переданная в Государственную Оружейную палату в Москве, в 1926 г. вернулась в Ростовский музей¹³. Она размером по ширине 63,6 см, выполнена из массивной серебряной позолоченной пластины в технике чеканки, резьбы, с канфареными отдельными участками. На пластине именник одного из лучших московских ювелиров, цехового мастера серебряного и черневого дела Алексея Иванова Ратькова (1777–1821 гг.)¹⁴. Клеймо пробирного мастера датировано 1796 г. Обрамление образуют плавно изогнутые пальмовые ветки, перевязанные лентой внизу; верхняя часть с вплетенными розами и иными цветами. Справа вверху кресты на церковных главах и маленькая фигура стоящего на облаках святителя как бы накладываются на это цветочное обрамление, подчеркивая его ирреальность.

В описываемом картуше представлена многофигурная похоронная процессия с телом св. Игнатия, приближающаяся к западному входу ростовского Успенского собора. Впереди идут облаченные в стихари мальчики певчие; за ними, тоже в диаконских стихарях, – крестоносец (ставрофор) и двое хоругвеносцев. Одр с телом почившего епископа несут четыре диакона. За одром следует архиерей в малом облачении и митре, с жезлом в руке, и далее – монахи в мантиях и клобуках, а также толпа мирян. Подошедший к одру и касающийся его правой рукой – архимандрит Стефан, в облачении и митре, указывающих на сан. Видение благочестивых черноризцев иллюстрировано изображением восшедшего «на высоту по

воздуху, как бы по лестнице» св. Игнатия, идущего вверх по густым облакам, стоящего на карнизе собора, обратившись лицом к процессии, и, наконец, как бы с небесной высоты обеими руками благословляющего участников его погребения. Пятиглавый Успенский собор с четырехскатной кровлей, хотя и с некоторыми упрощениями, представлен каким был в XVIII в., с папертями, из которых показана только северная. Городская каменная застройка с характерными двухэтажными домами, можно предполагать, тоже в целом отражает ростовские реалии конца того же столетия. Тем не менее, не приходится говорить о документальном воспроизведении зданий, непосредственно примыкавших к соборной площади. Более того: надо было бы повернуться лицом на запад и затем пройти довольно далеко от архиерейского дома, чтобы именно таким увидеть ансамбль Спасского, что на песку, монастыря, с его пятиглавым собором конца XVII в., шатровой колокольней и Георгиевской церковью¹⁵. Надо отметить, что реконструкция А.Г. Мельника в целом соответствует чеканенному изображению, отличающемуся лишь в деталях, возможно здесь интерпретированных в соответствии с характером архитектурных кулис композиции. Пока не ясно, был ли в данном случае выполнен лишь специальный рисунок или использована нам неизвестная гравюра, которой следовал чеканщик-ювелир.

Нет никакого сомнения в том, что событие 1288 г. при выполнении описываемого изображения перенесено в обстановку второй половины XVIII в., и в соответствии с этим действующие лица имеют облик не свойственный людям конца XIII в. В частности, это касается характера облачений, употребления митр, типологии архиерейского жезла; удивляет и то, что кроме названного архимандрита в процессии не участвуют священники. Последние вместе с епископом должны предшествовать одру с телом усопшего. Аналогичный мотив церковной процессии хорошо известен в искусстве XVIII в. Можно указать гравюру Леонтия Тарасевича с изображением освящения Великой церкви среди иллюстраций Киево-Печерского патерика, напечатанного в 1702 г., с совпадающими некоторыми деталями (дети и лежащий убогий). Еще ближе сцена обновления храма в среднике житийной иконы св. Георгия, середины XVIII в., из Раменской Богоявленской церкви бывшего Грязовецкого уезда¹⁶. Здесь также нашли отражение современные церковные реалии, включая выносной крест такой же формы.

В произведении А.И. Ратькова обобщенная трактовка фигур сочетается с умением выделения наиболее существенных деталей, отличающихся тщательной проработкой. Большей частью это лица и орнамента церковных облачений. В чисто декоративных целях мастер применяет

пластическую разделку пилястр собора, в действительности имеющих гладкую плоскость. В целом рельеф выполнен с большим мастерством, отличающим лучшие произведения эпохи. Для трактовки исторического события характерен умеренный реализм, со сведенным к минимуму бытовым элементом, присутствие которого обусловлено жанровой принадлежностью композиции.

Второй картуш раки св. Игнатия Ростовского известен лишь по фотоснимку, и поэтому не может быть описан столь подробно: иконография ясна, но детали более слабо различимы. Судьба картуша, равно как и облицовочных гладких серебряных пластин раки, с рельефными чеканными обрамлениями и медальонами с надписями (в орнаментированных картушах меньшего размера), остается не выясненной. Увезенные в Москву в 1922 г., эти детали пластического убранства раки бесследно исчезли.

Заклученный в пышное орнаментальное обрамление с растительным мотивом, сильно вытянутый по горизонтали картуш заполнен сложной многофигурной композицией, представляющей отпевание св. Игнатия в интерьере ныне существующего ростовского Успенского собора, изображенного в поперечном разрезе, с неизбежным элементом схематизации. Это сказалось на масштабах сооружения и его притворов, заполненных фигурами участников погребения святителя, а также на упрощенном воспроизведении схемы иконостаса. В последнем случае, однако, воспроизведены местные иконы Спаса и Богоматери Владимирской, равно как и большой запрестольный крест с крупным распятием. В центральной части собора одр с телом почившего, расположенный так, как принято помещать плащаницу и мощи, но не гроб при отпевании. Стоящий за одром архиерей в митре держит в руках список рукоположенных покойным лиц. В правой части композиции изображена соборная звонница, с одной главой: как известно, постройку увенчивают четыре главы. В связи с этим трудно однозначно определить сооружение слева – одноглавую церковь с шатровой колокольней: это должна быть Спаса на Торгу (Ружная), но она в действительности пятиглавая и с малой шатровой колокольней, а не с высокой, по типу скорее напоминающей часобойню, по реконструкции А.Г. Мельника¹⁷. Подобные метаморфозы в декоративном пластическом искусстве возможны, поскольку архитектура здесь создает лишь своеобразный исторический фон. Иногда он имеет значение источника, дающего представление в лучшем случае об общей типологии и определенных деталях.

Доступные сегодня для изучения отдельные части серебряного убранства раки с мощами св. Игнатия Ростовского позволяют сделать некоторые наблюдения, но, к сожалению, никак не общие выводы. Поэтому нет смысла нагромождать различные предположения. Что касается мастера А.И. Ратькова, то его произведения, бесспорно, заслуживают выявления и тщательного изучения. Это шедевры серебряного дела, в большинстве случаев не получившие известности в силу того, что предметы церковной утвари не привлекали к себе внимания исследователей по самым различным причинам.

1. Титов А.А. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М., 1911. С. 18-20.
2. Пуцко В. Богоматерь Великая Панагия // Сборник радова Византолошког института. Кнь. XVIII. Београд, 1978. Рис. 8.
3. Подробнее см.: Пуцко В. Киевский художник XI века Алипий Печерский (По сказанию Поликарпа и данным археологических исследований) // Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd. 25. Wien, 1979. С. 63-88.
4. Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. (репринт. изд. М., 1988). С. 38-39.
5. Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. Изд. 2-е. СПб., 1862. С. 101; Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 207-211; Книга, глаголемая Описание о российских святых. Доп. биограф. сведениями М.В. Толстой. М., 1881. С. 92-93. № 222; Жизнеописания угодников Божиих, живших в пределах нынешней Ярославской епархии. Сост. М.В. Толстой. Ярославль, 1887. С. 7-10. № 3; Дмитриева Р.П., Семенченко Г.В. Житие Игнатия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 150-151. Также см.: Мельник А.Г. Защитник Ростова святой Игнатий // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 44-45.
6. Толстой М. Святыни и древности Ростова Великого. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1866. С. 38-40.
7. Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад, 1894. С. 42.
8. Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1993. Вып. 5. С. 50-51.
9. См.: Леонтьев А.Е. Древний Ростов и Успенский собор в археологических исследованиях 1992 г. (Предварительное сообщение) // ИКРЗ. 1992. Ростов, 1993. С. 163-166; Иоаннисян О.М., Зыков А.Е., Леонтьев А.Е., Торшин Е.Н. Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом // СРМ. Ростов, 1994. Вып. 6. С. 201-217; Мельник А.Г. Исследования памятников архитектуры Ростова Великого. Ростов, 1992. С. 4-10.

- 10.Босли Р.Д. Житие св. Игнатия Ростовского // ИКРЗ. 1992. С. 62-69.
- 11.Ср.: Мельник А.Г. Защитник Ростова святой Игнатий. С. 44-45. Недавно опубликованная икона (Новиков В.А. Реставрация иконы «Св. Леонтий, Исая, Игнатий Ростовские» // ИКРЗ. 2002. Ростов, 2003. С. 318-323), по нашему мнению, относится не к последней четверти XV в., а ко времени около 1551 г., о чем свидетельствуют иконография и стиль. Близкая стилистическая аналогия – икона св. Леонтия Ростовского из Введенской церкви в Ростове (Живопись Ростова Великого. Каталог. М., 1973 (авт.-сост. Ямщиков С.) С. и цв. табл. нenum.).
- 12.Титов А.А. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. С. 20.
- 13.Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», инв. № 15586.
- 14.Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. (территория СССР). М., 1983. С. 209. № 2236.
- 15.Мельник А.Г. Ансамбль ростовского Спасского монастыря // Труды Ростовского музея. Ростов, 1991. С. 112-140.
- 16.Рыбаков А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. Илл. 114, 115.
- 17.См.: Мельник А.Г. Часобойня Ростовского кремля // Колокола и колокольни Ростова Великого / СРМ. Ярославль, 1996. Вып. 7. С. 170-178. Рис. 3.